

Людмила Альперн

Сеанс практической магии, или Мой язык – русский...

(Читая Кристеву¹ и Померанца²)

Мой язык – русский, но я не выбирала его, как не выбирала родителей, время и место рождения. Я поздно заговорила, долго не умела читать и писать, как будто не верила в то, что он настоящий. Он оказался настоящим. Я не изменила ему, даже и не пыталась, хотя жизнь неоднократно искушала и даже вынуждала меня. Он отвечает мне взаимностью, и чем больше я сживаюсь с ним, тем больше темных, горьких и важных смыслов могу извлечь из себя при его щедрой поддержке... Но иногда меня посещает боль нереализованного: мне чудится, что во мне, взаперти, томятся все языки... Их надо освободить, а для этого – изловчиться и проникнуть в тайный, скрытый угол нутра, найти спрятанный под его порогом ключ, повозиться, напрячься, вспотеть... щелкнет заржавленный замок, и спадет мрачная пелена вавилонского проклятья. ...

Так я думала, живя в начале 90-х годов в США, у эмигрировавшей туда близкой подруги³, особенно по ночам, вступая в единоборство с многоканальным амери-

¹ Юлия Кристева Болгария, боль моя. Перев. с французского Е. Богатыренко // «Иностранная литература». 1997, № 10; <http://magazines.russ.ru/inostran/1997/10/kristeva-pr.html>

² Григорий Померанц Парадоксы диаспоры <http://www.kinoart.ru/magazine/03-2004/comment/pomerants0403/>

³ Подруга – вдова политзаключенного, осужденного за антисоветскую агитацию и пропаганду, умершего в Вологодском центре 12 июля 1983 г., Виктора Томачинского.

канским телевизором... Слов я почти не понимала, но интонации – понимала, и это был первый правильный шаг к преодолению проклятья... Английский я все-таки стала тривиально учить и сейчас свободно читаю, сносно говорю и слышу. Но иногда необъяснимо хорошо понимаю французский (я бываю во Франции), который никогда не учила, или польский – я прожила в Варшаве всего 12 дней, но уже через неделю язык отверзся во мне, и я заговорила... Видимо, есть правда в этом сказочном ощущении присутствия во мне всего, что только есть в мире. Я – микрокосм, маленькое, но совершенное подобие макрокосма...

И вместе с тем – я чувствую в себе отсутствие всего, пустоту... Способность принять любую форму, стать любой сущностью... Старым, похожим на окаменевшего человека, католическим собором, на который я полночи смотрела из окна мотеля в Нанси, или выросшей на краю осыпающегося оврага сосной, с вывороченными наружу корнями, – деревом мужского пола, которое я разглядела в подмосковном лесу, или, лучше, любимой кошкой Мусей – серой, трехцветной, зеленоглазой, пушистой, нежной и мстительной, неукротимой сибирской кошкой, моим тотемическим животным, которое я сама, своей рукою, извлекла из хаоса жизни семь лет назад на станции Крюково – из чрева чемодана, плотно набитого новорожденными котятками, тем самым заново родила ее, сделав ее своей законной владычицей...

Именно на кошках⁴ и остановилось, отключилось, затухло и заглохло мое сознание, когда я, сидя в электричке, так как живу в пригороде, рядом с этой самой станцией Крюково, читала распечатанные на работе тексты Кристевой и Померанца... Собственно – Померанца уже... Померанца я люблю читать – его такие вроде бы легонькие, простенькие и прозрачные тексты. С дружественным интерфейсом, как сейчас говорят. Кристеву же читала с трудом, не успевая достичь глубины, все время прерываясь и теряя нить и так таинственного (специально? чтобы по-лисьи улизнуть?) повествования – сосед справа непрерывно бубнил в мобильник, изливая какой-то Юле (!) будничные житейские невзгоды – про маленькую зарплату, большие запросы, семейные проблемы, чем раздражал и одновременно отвлекал... Что-то про православие, которое растворяет бога в человеке, в отличие от католичества и протестантства, которое бога отделяет от человека, и, потому, у них он давно уже умер (не от старости, а за ненужностью – они его просто убили?), а у нас – жил, живет и будет жить⁵, *доколе жив будет хоть один пиит*.. в данном конкретном случае – православ-

⁴ Упомянутая цитата из упомянутой статьи Померанца: «Русская империя, захватив часть Речи Посполитой, остановила там погромы. Благодарные евреи поддержали Россию в 1812 году, несмотря на все посулы Наполеона. Погромы 1881 года все испортили. Столичное русское общество их почти не заметило. Но евреи все помнили: четыреста тысяч, вырезанных казаками Богдана Хмельницкого, памятник которому украшает Киев, и новые зверства Железняка и Гонты в XVIII веке; женщинам отрезали груди, вспарывали животы и зашивали в чрево живых кошек: Память об этом, сохраненная в поэме Тараса Шевченко, оказалась живой, действенной и легко перешагнула через сто лет».

⁵ Что-то ленинско-черномырдинское, эдакая здравица.

ный, славянин, россиянин, татарин, еврей – в общем, *вся-вся-вся Россия-сия*⁶ ... А потому, за это и платить надо – безответной любовью к западной цивилизации, отсутствием толерантной к человеку культуры, адекватной терминологии и понятийного аппарата⁷, чистых нужников, зарплаты, пенсии, продолжительности жизни (ведь все эти достижения – следствия их рациональности и бездуховности, их индивидуализма и интеллектуализма)...но это ничего, это славно, так как спасение все равно отсюда грядет, Запад загнивает и сгниет-таки без наших нечищенных общественных гальюнов (каковые есть следствие нашего коллективизма, мазохизма, нигилизма и лени), поэтому мы потерпеть еще должны, раз миссия Мессии нам суждена (Или, Или, Доколе?), а они, там, у себя еще позагнивают не без определенного чувственного удовольствия, но *запад есть запад, восток есть восток*, они сумели, мы нет, и что тут попишешь? *Терпи, казак/чка, а то маном/мамкой станешь*... Недавно (случайно) прочла амбивалентное стихотворение Бродского на незалежность Украины... Может быть, и не случайно, впрочем. Сильно, грубо, зримо, державно... поэт-изгнанник в роли Державина – неплохо... Хотя и неожиданно. Но он – умеет. Например, помню одно из лучших его стихотворений – на смерть Жукова, из старых⁸ – чистый Державин⁹. Так вот, у него там тоже про это – про *брехню* Тараса¹⁰ ...

Груди отрезать – это еще куда ни шло, это дело обычное, привычное, почти – будничное, это – чтобы не завидовать на красивые, пышные, мягкие и белые груди (как я иногда тайно завидую Мусе, глядя на ее подвижные серые ушки

⁶ Это из Хармса.

⁷ А что касается «ар нуво» – это по поводу того, что барроко и, соответственно, «ар ново» у них уже было, – у нас оно тоже было и есть, и появилось в то же время, что и у них – но в Москве его больше, небось, чем в Париже, и называется почти по-русски – русский или московский модерн. Москва богата роскошными современными особняками – особенно сейчас, после антинаучной лужковской реставрации – они засверкали всеми гранями своей декадентской красоты. Даже на площади трех вокзалов (трудно найти более прозаическое и одиозное место в Москве) два из них – шедевры «ар нуво». Крупнейший русский модернист Шехтель – автор здания Ярославского вокзала. А в Питере имеется петербургский модерн – несколько иной, чем модерн купеческой Москвы – аристократический модерн северной столицы – но не менее интересный, сильный, разнообразный и своеобразный. Это – в архитектуре. Но и в живописи, и в театре – Врубель, например, Васнецов и т.д.

⁸ ...*Бей барабан, и военная флейта громко свисти на манер снегиря*...

И. Бродский На смерть Жукова 1974 г.

⁹ Это опубликовано, в отличие от последующего, которое я частично цитирую ниже.

¹⁰ ...*С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухай!*

Только когда придет и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строки из Александра, а не брехню Тараса.

Иосиф Бродский. 1992. Здесь, по моим домыслам, имеется в виду имперский поэт и аристократ А. Пушкин: *Нет, весь я не умру, душа в заветной лире меня переживет*... и что-нибудь такое из представителя *второстепенного* (это мой термин, который я изобрела в процессе написания этого эссе и, как дальше будет понятно, себя я тоже отношу к оному, в лучшем случае) *этноса и холопа Т. Шевченка: Як помру, так поховайте мене на могиле... Поховайте, та й вставайте...И врожоу злою кровью, волю окропите*...

или ловкий нарядный хвостик), которые так значительно украшают женское тело, ведь мужчинам это не дано, но живые кошки, зашитые в еще живые женские животы... это ли не полет воображения? Настоящая поэзия... Такое сложное, квалифицированное деяние, такое страшное... Не каждый маньяк на такое согодится, даже при серьезной и длительной профессиональной подготовке – замыслить, жертву наметить и заманить, а до того – кошек наловить, в клетки посадить, потом слегка придушить: кошка-то животное свирепое, маленький тигр – самого в кровь изорвет... ну и там – чем шить-то потом? – иглы, шила, дратва, в общем, не хухры-мухры. А тут гайдамаки – свои в доску хлопцы, светлые православные души, не басурмане там какие-то, жестокие, извращенные турки или дикие монголо-татары, интересуются только гарными дивчинами, салом и горилкой, простые, как огурцы, без проблем, без извилин, без интеллигентских изысков и взбрыков – как они-то смогли? Как додумались до такого? Что вообще движет мужчинами, когда они совершают такое (или не такое, но похожее) над женщинами, пусть даже принадлежащими к неприятному для них роду? Что они решают для себя таким способом, какие символические потребности удовлетворяют – может быть, они комплекс кастрации преодолевают столь нетривиальным способом? Это ведь даже не убийство – убить легко, особенно в горячке боя или погрома, застрелить, зарезать, повесить, забить... насиловать по очереди до смерти... даже и живот беременный вспороть, но ведь это все-таки что-то совсем другое... Речь, значит, Псполитая...¹¹

Один умудренный жизнью знаток на этот мой вопрос ответил, что, возможно, это была своего рода *практическая магия*, чтобы остановить рождения... Кровавый этнический карнавал, смеховая народная культура, телесная драма, главная цель которого – уничтожение материально-телесного производящего низа нелюбимого и страшного народа¹²... Чтобы освободиться от страха, который он вызывает? Скажи мне, каким способом тебя будут убивать во время погромов твои этнические соседи, и я скажу тебе, какую символическую мощь имеет в их глазах твой собственный этнос...

Я, между тем, в попытках кое-что понимаю, работа у меня такая. С современными больше сталкиваюсь, соответственно. Например, все пытки, практически все, которые применяются для развязывания языка запирающегося возможного преступника в российских отделениях милиции, – побои разного вида, ну там «ласточка» при помощи наручников, или даже изнасилование пивной

¹¹ Недавно я набрела в Интернете на рассказ о своем далеком предке из Белостока – уверена, что предке, ибо мой дед, чью фамилию я ношу, тоже родом из Белостока, фамилия, вместе с тем, в таком виде довольно редко встречается – это тоже в Рунете видно. Так вот, некий Гирш Альперн (!) получил награду, орден, из рук самого Александра I, за какую-то тонкую оперативную информацию о войсках Наполеона. Нашпионил, то есть, как сукин сын. Я как-то не очень обрадовалась такому родству, так как исторически не люблю спецслужбы, шпионство, да и сам Наполеон чем-то был мне мил, кодексом своим, к примеру. Однако эти «померанцевы» кошки придали моим чувствам свежие оттенки...

¹² Воспользовавшись терминологией М. Бахтина.

136 бутылкой (применяется, в основном, к мужчинам) имеют свои исторические или тюремно-субкультурные корни и последствия, и вполне объяснимы. Например, побои, порки как способ уголовного наказания были отменены в законодательстве Российской империи только в 1893 году – да и то только в отношении женщин. Мужчин еще лет пять пороли – розгами, шпицрутенами, плетками, палками и прочими крепкими предметами... Или «ласточка» – это когда кладут на живот, а руки с ногами в вывороченном состоянии сковывают или связывают, вверх все это закрутив, понятно. Жуткая штука. Но вот недавно посещала музей в Нижнем Новгороде – острог бывший – редко бывает, чтобы тюрьма стала музеем, – их всегда не хватает. Девушка- экскурсовод, узнав, что я тюремноведением занимаюсь, решила для одной меня экскурсию провести, ей тоже было приятно со специалистом такого редкого профиля поговорить. Меня удивило, что хотя острог функционировал с 20-х годов XIX века, карцеры в нем прорыли только в середине этого самого века. А как же до того наказывали нарушителей режима? Быть не может, чтобы начальники этого не предусмотрели – в наших краях без утрашения порядка не бывает. Оказывается, действительно, имелись протокольные наказания – «уточка», например, и девушка совершенно наивно описывает мне именно то, что сейчас «ласточкой» называют¹³. Так вот откуда уши торчат – это было легитимное наказание в «органах», а теперь – нелегитимное, но старое трудно выветрить, когда еще нынешние гуманные кодексы войдут в культуру и станут неписанными законами... И никакой Совет Европы нам не указ – они свое дело делают, а мы, соответственно, свое, у них там своя культура, а у нас – своя, все в аккурат по Кристевой... Так что, нет здесь ничего случайного или надуманного...

Тут, обычно, сразу вспоминают европейскую инквизицию. А что инквизиция? У них там все было регламентировано, объяснено, расписано – в каких случаях одно, в каких – другое. Они там тоже службу выполняли, а не на карнавалах гуляли – не от себя шли, а от закона. Закон такой был. И все на благо человека – душу его бессмертную спасали. Или даже концлагеря немецкие – там ведь тоже самостоятельности никакой почти не было: немцы народ аккуратный и исполнительный, как их начальники учили, так они и поступали – все описано, запротоколировано, назначено, думать не надо, выполняй команду и делу конец.

А вот в таких стихийных делах, как погромы, никаких письменных инструкций нет. Люди от себя идут, от своей фантазии, от своего подсознания. От глубинных, так сказать, нужд и потребностей...

Быть еврейкой в восточноевропейской диаспоре (чеченкой, бакинской армянкой, косовской сербкой...) – это двойная непосильная нагрузка. Это означает быть женщиной дважды¹⁴ – дважды железным обручем по тебе прой-

¹³ Я ее, в свою очередь, тоже приятно удивила, объяснив, что ее «уточка» и сейчас в ходу в правоохранительных органах.

¹⁴ В качестве нераскрытого тезиса напомним о существовании в XIX веке в Российской империи евреек-террористок (около трети от общего количества женщин, входивших в бое-

дутся отношения власти: они разделят внутри этноса людей на мужчин и женщин, передав власть мужчинам, и второй раз – отделят национальное меньшинство от титульной нации, передав власть большинству. Мужчины твоего этноса, получается, имеют власть только над своими женщинами, котируются только в малой группе, а вне ее они как бы сами становятся женщинами по отношению к мужчинам титульного большинства – как опущенные на мужской зоне¹⁵. Поэтому именно в твой дом придут гайдамаки с шашками и кошками – в дом, в котором нет мужчины, и никогда не наоборот¹⁶.

Поэтому, видимо, все мои сестры – и родная, и двоюродные, и троюродные, кроме двоих, которые сызмальства нацелились на Израиль, выходили замуж за уже готовых, настоящих мужчин – за мужчин первой категории, представителей титульных народов – русских, белорусов, украинцев и т.д. Браки чаще всего оказывались невыносимо тяжелыми – с побоями, алкоголизмом, унижениями, обязательными попреками в жидовстве... Развестись же было почему-то всегда очень трудно: видимо, сильной половине никак не хотелось выпускать из своих медвежьих объятий такую сладкую добычу – женщину в квадрате...

вые организации левых эсеров), евреек-проституток (составлявших около трети от зарегистрированных проституток – проституция была регламентированной в царской России), а также – о чеченских террористках – явлении, безусловно, новом, но со старыми дырами. Лично я считаю это симптомом избыточного давления на основании иерархической пирамиды – женщин второстепенного (или третьестепенного) этноса...

¹⁵ Так что розановские (Василия Розанова) догадки о *женской сущности еврейства* имеют под собой почву. Но дальше еврейства он их не распространил, так как маниакально интересовался только евреями.

¹⁶ Именно поэтому вопрос национальной автономии, самоуправления, горизонтального устройства общества, государства, мира, наконец, для меня решенная вещь, хотя мы здесь к этому и не привыкли. Иерархия власти – причина напряженности, усиливающейся сверху вниз. Чем сильнее давление и больше уровней власти, тем дольше приходится преодолевать ее разрушительные последствия. Иерархия может на время подавить агрессивные элементы в своих средних слоях – например, упомянутые Померанцем события – иерархическая власть Российской империи над Речью Посполитой на какое-то время подавила там еврейские погромы. Но – отнюдь не навсегда. Кажется, что этническая ненависть к евреям в самой Польше заглохла только тогда, когда последние в полном составе покинули страну, что было сравнительно недавно. Сейчас там, кажется, все идеально в этом отношении. Мне, например, в Польше очень понравилось, причем я пользовалась там искренней взаимностью. Вместе с тем территория Польши в музее Яд Вашем (музей Катастрофы в Иерусалиме) значится на первом месте по количеству уничтоженных там евреев... Или централизованная советская власть – достойная преемница Российской империи – довольно удачно давила, загоняла вглубь все национальные конфликты, которые вызревали на стыках братских социалистических наций. Ее же распад привел к возникновению горячих точек, которые принесли множество страданий, унесли множество жизней, разрушили инфраструктуру общества, и все еще интенсивно дымятся. Нынешняя Российская Федерация – родная внучка Российской империи – делает новые успехи в централизации власти. Еще более красочный пример – Югославия, упомянутая Кристевой, – невероятное, казалось бы, для современных европейцев этническое побоище, которое она назвала неофашизмом... А ведь СФРЮ была чув ли не самой продвинутой и в экономическом и в политическом смысле страной соцлагеря...

Я, насмотревшись всего этого в юности, замуж официально не выходила, прошла через большие испытания, всех благ – отдельного жилья, работы, образования – добивалась сама, своими трудами – чтобы не зависеть. Страшилась чужой семьи, мужа-изверга, хотя все мои мужчины, кроме первого, тоже оказались титульными в итоге. При этом мне все-таки удалось сохранить и передать по женской линии сыну родовую фамилию, исполнив тем самым негласный завет отца, сына не родившего.

Я, конечно, ничего этого не сознавала, так же, как мои сестры, – это были подсознательные, темные стратегии выживания представительниц этнического меньшинства в агрессивных, неблагоприятных для жизни условиях¹⁷. Я никогда сознательно не дорожила своим этническим еврейством (религиозного¹⁸, я, понятно, тогда даже не нюхала¹⁹) но оно, укорененное во мне, дело свое делало...

Так же, как Кристева, я предпочитала/ю считать себя безродной космополиткой, жительницей планеты Земля, без цвета, вкуса и запаха, и идентифицировать себя со всем человечеством. И, не скрою, иногда мне это удается... Но сигнал, посланный когда-то на сеансе практической магии, все еще легко преодолевает пучину времен. Многократно отраженный и ретранслированный, он все еще успешно достигает свою конечную цель – мое этническое сознание – и вызывает ее сотрясение...

¹⁷ Естественно, все браки и связи были полюбовными, ничего *специального* не предпринималось. Можно только сделать предположение о существенной мутации бессознательного образа *идеального мужчины*, с которым, так или иначе, имеет дело каждая девушка и женщина, осуществляя брачные стратегии.

¹⁸ Религиозное еврейство – иудаизм, в отличие от этнического, вещь довольно хрупкая. Его трудно, но все-таки можно добиться представителю другого этноса, приняв, так называемый гиюр (выполнив целый ряд сложных религиозных обрядов)? – это большая забота нееврейских жен евреев, прибывших в Израиль (как известно, Израиль – фундаменталистское религиозное государство) из Восточной Европы. Так они передают своим детям (это главный ожидаемый результат) как бы потенциальное еврейство, после чего мальчики могут подвергнуться ритуальному обрезанию, девочки становятся носительницами еврейства и могут вступать в религиозный брак с евреями. Другие формы брака – гражданский, например? – в Израиле не осуществляются, хотя институт сожителства существует и имеет юридические последствия. При этом потерять потенциальный иудаизм этническому (рожденному от еврейки) еврею довольно легко – при принятии другой религии, например, он уже не считается евреем (иегудим) по израильским законам и теряет самостоятельное право на *возвращение*. Правда, представителю диаспоры всегда предоставляется возможность покаяться – стратегии выживания, в том числе, включают переход в господствующую религию диаспоры при необходимости – тому много исторических примеров, и его примут назад, в материнское лоно иудаизма.

¹⁹ Характерно и то, что о своем еврействе (*жидовстве*) я узнала не от родителей, а на улице, лет так в пять. Придя домой, потребовала от родителей объяснений, но их не получила...- Так как информация была односторонняя и негативная, я много сил потратила на то, чтобы этот негатив перебороть. Но и многим ему обязана. Таким образом, именно внешние, негативные факторы в большей степени стимулировали во мне этническое сознание, чем семейные и позитивные.

И еще несколько слов о мужчинах моего этноса – о тех из них, кто живет в диаспоре. Они, не допущенные к *реальной* власти, преодолевают свою вынужденную немужественность всеми доступными им средствами. Межэтнические браки не наделяют их новыми положительными качествами²⁰, зато лишают старых – еврейство свое они теряют²¹, не получая ничего взамен. Их стратегии выживания – это большие победы, которые могут стать суррогатом власти (и никогда настоящей властью²², во всяком случае – надолго, все нынешние мыльные оперы с еврейскими олигархами это подтверждают) – научные достижения, культурные прорывы, поэтические вершины, большие, огромные деньги – все, что делает человека сверхчеловеком, может быть, главным образом, в его собственном воображении²³ ...

²⁰ Тут, кстати, уместно вспомнить еще один бытующий в народе миф – много раз слышанный от знакомых женщин титульного этноса, переживших трудную, полную насилия семейную жизнь: что мол, отец\мать-то мне говорил/а в юности/молодости/детстве – замуж иди только за еврея – он тебя и пальцем не тронет, пить не будет, да и материальное благополучие тебе обеспечит... а я, дура, мол, не послушала его/ее... Неплохое подтверждение неосознаваемого отсутствия «мужественности» и атрибутов власти, силы – которые всегда подразумевают насилие – в мужчинах второстепенного этноса. А как же тогда неистребимая русская народная мудрость – бьет, значит любит? А не бьет, значит – не любит? Похоже на правду. Действительно, в еврейских *религиозных* семьях мужчины не пьют и не бьют детей и женщин, на это существуют *религиозный запрет – кашрут* (см. Пятикнижие Моисеево). Но запрет распространяется *только на иудеев/к*. Про *гоев/к* ничего такого не сказано, на них запрета нет, что убедительно подтверждается прошлым и настоящим государства Израиль. Так же, как Моисеев запрет на дачу денег в рост *еврею*, никак не распространялся на *гоев* – известно, что ростовщичество один из исторически закрепленных и распространенных еврейских промыслов, широко описанный в художественной литературе, – отсюда и корни еврейских банкиров. Ветхий Завет – священная книга евреев (Тора и Танах) – это описание кошмарных кровавых деяний богоизбранного народа среди жестоко истребляемых ими язычников... Или способов и стратегий выживания, когда язычники брали верх. *Нет ничего нового под солнцем* (Екклезиаист)... Это уже потом Иешуа Га-Ноцри, не признанный евреями их последний пророк, оповестил, что уже *несть эллина и несть иудея*... но еврею-то как раз его и не слышали, впрочем, так называемые христианские народы – тоже...

²¹ В смысле – они не могут его передать потомству. Как известно, еврейство передается (признается по религиозным канонам) только по женской линии.

²² У Александра Галича есть такие строки: *Ох, не шейте вы, евреи, ливреи! Не сидеть вам, евреи, в сенате..* И хотя они были написаны при предыдущей общественной формации, остаются вполне актуальными и сейчас...

²³ Похоже, что эта схема может быть так или иначе распространена на *любые диаспоры*. Конечно, здесь имеют значение и другие факторы – культура диаспоры, ценности, традиции и т.д. Мужчины второстепенных этносов, проживающих на *своей территории*, как известно, реагируют на подавление иначе (вспомним хотя бы *гайдамаков* или *чеченских сепаратистов*). Это, скорее всего, и есть главный источник мощи, приписываемой евреям (не должна же я думать, что она имеет *нечеловеческую природу*?). И главный рецепт ее наращивания – сила действия равна силе противодействия... Израильтяне, как мне кажется, чем дальше, тем все больше размагничиваются, как сообщество постепенно теряют приобретенные в тысячелетней борьбе за выживание уникальные свойства, невостребованные при наличии собственной территории и государственности... И в силу наличия этой самой *собственной территории* конфликт с палестинцами здесь уже не играет роли стимулятора...

...С детства, с младенчества отстаивала я в битвах рукопашных, в неравных боях все живое – (с четырех лет жила в военных городках, отец был полковник) – в чистеньких украинских местечках. Кошек (впрочем, ворон тоже) там калечили и вешали мальчишки – постарше меня лет на пять, это потом я поняла, что у них такие инициации были: ведь власть – это право повелевать, кому жить, кому умирать. Без смерти, страха смерти – нет власти. Бросалась как коршун, закрывала своим тщедушным тогда еще телом. Лупили, дразнили, обзывали жидовкой. Кричала, плакала, жаловалась отцу. Он, бледнея и сжимаемая от ярости кулаки, к жизни меня *здесьней* готовил, не вступался – не лезь или иди и дай сдачи! Так и живу с тех пор с этой его яростью в сердце²⁴ ...

Была младшей, нянчила *чужих* младенцев и кошек. Кошек любила самоабвенно, мать в дом с ними не пускала, главная жизнь протекала вне дома, на улицах и в подъездах. Потому не выучилась читать в пять лет толстые романы, как старшая сестра, а долго-долго получала неуды по всем предметам, кроме пения и рисования, покорно выслушивая запомнившиеся на всю жизнь двусмысленные отцовские насмешки²⁵ .

Все они давно уехали на так и оставшуюся для меня исторической этническую родину и, воссоединив свое маленькое, затаенное еврейство с его апофеозом, стали израильянами, изучили иврит, который вкуче с другими нево-стребованными человеческими языками все еще пылится в темных чердаках и подвалах моей души...

²⁴ Сын мой, по моим представлениям, – по сравнению со мной – особо сильной этнической травмы в детстве не получил. Сказалось *иное* место и время. Хотя, когда ему было одиннадцать лет, вдруг девочки из его класса стали *обзывать* его евреем. Школа была не московская – поселковая, пригородная, девочки – рабоче-крестьянские. С другой стороны, он всегда отличался значительной внешней привлекательностью, а девочки попали в пик пубертата. Тем не менее он был ужасно оскорблен, даже потрясен, но я не поддержала его – во-первых, это *правда*; во-вторых, не такая уж и *страшная* правда: к этому времени он уже несколько раз побывал в Израиле и был восхищен тамошней богатой, по сравнению с нашей, экзотической жизнью. На следующий год он поступил в физико-математическую школу – лучшую в радиусе 50 км, и этнических проблем у него, кажется, больше не возникало. Сейчас он заканчивает МГУ, прошлым летом стал великим путешественником (а я, соответственно, *матерью* великого путешественника) – совершил в паре со своим однокурсником марш-бросок в Тибет автостопом, через весь Китай, почти без денег, исключительно на энтузиазме и в надежде на *доброжелательность* мира. Мир был к нему добр. Но эксперимент продолжается...

²⁵ В десять я стала читать запоем, окрепла умом и навсегда потеряла интерес к улице, а она – власть над моей душой... Кошки и младенцы надолго исчезли из виду...